Неделя через неделю

Александр Измайловский

Александр Измайловский

Неделя через неделю

«Автор»
2026

Измайловский А.

Неделя через неделю / А. Измайловский — «Автор», 2026

По воскресеньям одиннадцатилетний Митя остаётся дома, а его родители собирают сумки. У сына своя комната, школа и кларнет; у Лены с Павлом — полгода, чтобы привыкнуть к разводу. В первую же неделю Павел приезжает в музыкальную школу, когда выступление сына уже кончилось. Пока он учится быть отцом без подсказок бывшей жены, Лена берётся за собственную выставку. Для маленькой бумажной сцены ей понадобится дождь, который можно включить рукой. Она знает мастера, способного его сделать. Вот только ещё недавно она была за ним замужем.

© Измайловский А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Всё, что останется дома 5
2. Мальчик с поклоном 9
3. Театр с обратной стороны 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Александр Измайловский
Неделя через неделю

1. Всё, что останется дома

В первый день своей жизни после развода Лена украла дома хороший штопор. Уже в прихожей она поняла, что он лежит у неё в сумке под тёплыми носками, и поразилась тому, как низко может пасть человек, который вообще-то покупает вино с винтовой крышкой.

Вернуть его при Павле было невозможно. Он сидел на полу и чинил Митину зимнюю куртку. Молния опять разошлась снизу. Митя стоял перед ним, разведя руки, как артист перед выходом на сцену. Павел легонько прикусил язык. Когда-то Лене хватало увидеть этот кончик языка между зубами, чтобы забыть, зачем она вошла в комнату. Она смотрела на него тринадцать лет и до сих пор иногда забывала.

— Дышать можно? — спросил Митя.

— Тебе, конечно. Мне пока нет.

Молния сошлась. Митя немедленно расстегнул её и убежал к себе. Павел проводил его взглядом.

— В принципе, я бы тоже так проверял.

Он приехал раньше, чем они условились, без четверти четыре. На плече у него висел кусочек мишуры. В театре шли репетиции ёлки, с октября у них в ванне находили то золотую сечку, то оленьи ресницы, один раз из фильтра стиральной машины Павел достал целую пластмассовую маслину. Её торжественно помыли и повесили на холодильник в сеточке из-под чеснока. Маслина до сих пор там висела.

— Паш, у тебя…

Рука сама потянулась к плечу. Он пригнулся, по старой памяти подставил ей щёку, и оба на мгновение замерли в очень глупой позе. Лена показала ему мишуру, словно могла предъявить уважительную причину.

— Понятно, — сказал он.

Они договаривались начать в понедельник. Павел напомнил, что по понедельникам оба с утра на работе, с сумками неудобно, и эту свою первую уступку Лена уже успела счесть неудачной. Если бы она ушла с утра, получился бы обыкновенный выход из дома. Митя мог бы крикнуть вслед, чтобы она положила денег на проезд, хлопнула бы дверь. А теперь надо было ещё двадцать минут как-то любить ребёнка у него на глазах и перестать ровно в четыре.

— У меня два вопроса, — сказал Павел. — Где плачу за квартиру и что делать с твоим фикусом?

— За нашу или за Полевую?

— Считай, три вопроса.

Они наняли однокомнатную в четырёх остановках от дома, на двоих, до конца мая. Полгода. В своей комнате спит Митя, в большой спальне — тот из родителей, чья неделя, второй едет на Полевую. В следующее воскресенье — наоборот. Когда Лена изложила эту затею сестре по телефону, та спросила, как они поделят в новой квартире постельное бельё. Вопрос был совершенно дельный и потому невыносимый. Они ещё не знали, куда денут собственную жизнь первого июня, зато у каждого уже имелось по два пододеяльника.

— Квитанции приходят нам обоим. Хозяйке перевожу я, половину ты мне уже дал. Фикус пластиковый, Паша.

— Тот, который на шкафу?

— Мы его купили, когда Мите зубы резались. У живого он нам все нижние листья объел.

Павел взобрался на табурет и заглянул в горшок. Лена видела его спину в мягкой рубашке, светлую полосу над ремнём, когда он потянулся. Ну зачем ему понадобилось всё проверять именно сегодня.

— Зато, оказывается, одиннадцать лет у меня прекрасно получалось за ним ухаживать, — сказал он.

Она засмеялась. От смеха легче не стало. На столе лежали её перчатки, газетный пакетик с обедом на завтра и листок из тетради в клетку. Бумагу Митя вырвал под линейку, на ворсистом краю остался мелкий зубчик. Они ещё утром составили правила. Лена предложила записать их на обороте старого счёта, но Митя принёс новую тетрадь. «Вы же потом скажете, что это бумажка на выброс». Лена написала, что взрослые меняются каждое воскресенье, дату последнего обмена и телефоны хозяйки, сантехника и дежурной в школе. Митя настоял на четвёртом пункте: никто не входит в его комнату без стука, даже в воскресенье. Павел ещё не видел листка.

Он прочитал, придавив двумя пальцами загибающийся угол.

— Телефон дежурной зачем?

— Затем, что на прошлой неделе его шапка ночевала в вестибюле.

— Ага. Раз в неделю обсуждаем, как дела?

— Если есть что сказать.

— Лен, я не о нас. Что там у него. В школе, по музыке.

— Можно спросить у него самого.

— Хорошо. А календарь у нас по-прежнему общий?

В общем календаре её дела были жёлтыми, его — синими. Зелёным в семейном календаре стояли школьные каникулы, музыка, стоматолог Мити и страховка квартиры. У Павла имелся отдельный рабочий календарь, где, по его словам, на февраль был назначен конец света, потому что режиссёр хотел его к премьере. Зелёные полоски они когда-то выбрали вместе, в кровати, над одним телефоном. Больше Павел, сколько помнила Лена, цветов не выбирал.

— Общий.

— Ладно. Напишешь, если ещё что.

На этом месте обычно начинался перечень. Кларнет в тепле не оставлять у батареи. После кухни руки вытирать кухонным полотенцем, не белой Митиной рубашкой, как в прошлом ноябре, хотя она и висит за дверью, где нормальные люди держат полотенца. Под мойкой лежит новая пачка мешков. Ты взял себе зубную щётку? А запасной ключ забрал? Список побежал сам собой, расползся по голове, и от одного только усилия промолчать у неё заболели челюсти.

Митя вернулся в прихожую с красной жестяной коробкой. В ней когда-то продавали бисквиты, теперь жили мятые монеты, полголовы пластмассового льва, резинка для денег и дохлый компас.

— Можно я её поставлю на тумбочку? Вы сюда будете складывать, что нашли друг у друга. Чтобы не бегать.

— Что именно мы должны друг у друга найти? — спросил Павел.

— Откуда я знаю. Вы и сейчас всё время друг у друга спрашиваете, кто куда дел ножницы.

Павел нашёл на тумбочке и положил в коробку маленькие маникюрные ножницы в розовых ручках. Митя забрал их.

— Пап! Это пример был. Они всегда тут лежат.

— Началось, — сказала Лена, и они засмеялись втроём. На три секунды вышло обычное воскресенье. Смех кончился, а Митя всё ещё смотрел по очереди то на одного, то на другого, точно ждал следующей реплики. Лена присела рядом с ним на диванчик, осторожно, чтобы штопор в сумке не звякнул.

— Я тебе оттуда позвоню, ладно?

— Ты же одна там будешь, значит, сама будешь решать, когда звонить.

— А брать трубку будешь решать ты.

— Хорошо. Если что, я у себя.

Он обнял её одной рукой, вторую придерживал на коробке, и ушёл. Из его комнаты тут же полетел вверх короткий злой свист, опять эта трель на кларнете, которая ему не давалась. Лена уже открыла рот, чтобы сказать привычное «сначала разыграйся», но дверь была закрыта.

Павел снял её пальто с вешалки и держал за воротник. На нём, похоже, отразилось всё, чему их обоих приблизительно в девяносто четвёртом учили матери насчёт мужчин и пальто. Оба рукава вывернуты, подать всё равно надо, женщина всё равно должна влезть. Она потянула за манжету. С той стороны рукава под подкладкой шевельнулись его пальцы. Он первый разжал руку.

— Самостоятельные сборы, — сказал он.

— Репетиция с техническими накладками.

Они оказались нос к носу, и снова ей пришло в голову, что никто не мешает ей потянуться вперёд на те ничтожные сантиметры, которые их разделяют. Вся работа была проделана для того, чтобы позволить себе отступить. Заявление, госпошлина, обсуждение жилья, подпись шариковой ручкой на дешёвом шнурке, в день, когда ей страшно хотелось есть, а в автомате у входа застрял последний батончик. И вот, пожалуйста. Один вывернутый рукав. Она застегнулась.

На улице мело влажной крупой. Она вышла на остановку и пропустила первый автобус, потому что тот шёл к музею. По привычке села бы и уехала на работу в воскресенье вечером. Тот, кто занимался сейчас решительно всем в её теле, не считая дыхания, понятия не имел, куда они едут.

В однушке на Полевой её встретил белый торшер с продавленным боком. При осмотре они решили, что это такое дизайнерское решение, хозяйка даже обиделась. Оказалось, предыдущий жилец поставил его вплотную к обогревателю. В продавленном боку удобно помещалась ладонь. Лена прижала её, пластик хлопнул и выгнулся, а когда она убрала руку, вернулся с омерзительно сытым звуком. Она попробовала ещё два раза.

На кухне стояли два привезённых Павлом бокала. Один с белёсым налётом от жёсткой воды, на втором засох след от большого пальца. На узком подоконнике лежал треугольный бумажный свёрток. Она развернула. Кусок ржаного хлеба с солью, всё по правилам новоселья, а рядом маленький пакетик горчицы. В поездках она выдавливала на хлеб целый такой пакетик, Павел кричал, что глаза у него слезятся даже через стол. Она села за стол и съела хлеб. Горчица оказалась сладкая.

В сумке звякнул штопор. Лена поставила его в кухонный ящик, передумала и вынула обратно. Всё-таки дома он нужен больше. Здесь можно купить другой, плюгавенький, и наверняка будет работать вдвое лучше торжественного семейного, купленного на общие деньги в первую их поездку вдвоём. Потом она подумала, что и про штопор умудрилась сказать себе «дома». Положила его в ящик.

В половине восьмого она поставила вариться яйцо. Ничего другого из продуктов не взяла, хотя успела запихнуть в чемодан забавную вещь — наволочку для диванной подушки из квартиры, в которой сейчас находились и диван, и подушка. За стеной кто-то с трудом разучивал танец, четыре удара, пауза, полтора очень быстрых. Она придвинула к столу второй стул, как будто сейчас они сядут есть. Унесла его в комнату, к окну. С него открывался вид на угол перекрёстка, витрину ремонтной мастерской и пекарню. По ноябрьскому снегу к её мусорным бакам важно шли две толстые вороны.

Телефон коротко запел. В родительской группе музыкальной школы появилось сообщение Оли, мамы Вари: «Нашим завтра на обычное время? Рубашки в среду, да?» Через минуту педагог отозвалась: «Да, как в объявлении, которое раздала в пятницу. Приходите семьями!»

Где объявление? Лена вспомнила, как в пятницу Митя вышел из автобуса задом наперёд, вытаскивая из-под сиденья чью-то потерянную варежку. Она тащила кларнет, зажав под мышкой папку с нотами, в зубах была перчатка, а треугольником сложенное приглашение сын засунул в прозрачный карман этой папки. С задней стороны там ещё красовался наклеенный в первом классе корабль.

Яйцо стукнуло о стенку ковшика. Она выключила плиту, взяла телефон и набрала: «Паш, в пятницу Мите дали объявление, загляни…»

В отчётном письме уже не хватало только даты, времени и указания приготовить рубашку. Он бы сердечко поставил. Потом она завела бы напоминание и в нужный день с утра проверила, вынул ли он рубашку из стиральной машины. Могла бы жить на Полевой и каждое утро заводить туда собственную, хорошо обученную заводную Лену. Пользы от такого развода было бы приблизительно на стоимость пачки мешков для мусора.

Объявление было на виду, в папке, которую Павел открывал вместе с сыном каждый вечер, когда тот играл. У Павла был доступ к школьной группе. Ей не приходило в голову, что человек, которому Митя на прошлой неделе четыре раза сыграл одну и ту же трель, может не спросить, для чего она.

Она стёрла сообщение, сняла скорлупу. Яйцо сварилось вкрутую, как любил Павел. Лена пошла на кухню и поставила вариться другое, себе.

2. Мальчик с поклоном

В среду Павел пришёл за сыном на семь минут раньше. У входа в музыкальную школу женщина в валенках запихивала в такси сразу две виолончели и ребёнка. Ребёнок давал ценные указания из-под чёрного чехла, водитель по одному открывал и закрывал все двери. Павел придержал ближайшую.

— Спасибо! У вас какой? — запыхавшись, спросила женщина.

— Кларнет.

— Счастливый вы человек.

В холле пахло линолеумом и розами из целлофановых букетов. Среди забытых варежек, повешенных на рёбра чугунной батареи, стояла пара чистых туфель на высоком каблуке. Обычно здесь бывало шумнее. Сквозь стену бубнил одинокий тромбон. Мити на привычном месте у стойки вахтёра не было, зато стояла большая картонная декорация, из ствола коричневого дерева высовывалась настоящая проволока. Павел невольно наклонился и подвернул её внутрь, чтобы никто не распорол ладонь.

— Вы это берёте? — окликнула вахтёрша.

— Нет, спасибо.

— А то забирайте. Завтра всё равно вынесут.

Она держала в руках прозрачный пакет с программками. Он увидел сына в дверях малого зала. Петля от футляра обмотана вокруг кисти так туго, что пальцы белые, с красными кончиками. Рядом с ним Варя потрошила огромный букет, выбрасывала на пол сосновые веточки, которыми его зачем-то украсили. Оба в белых рубашках. На Мите белая рубашка была та, школьная, в которой у него уже не застёгивались верхние пуговицы. Рукава торчали из джемпера перьями.

— Что у вас тут? — спросил Павел.

— Всё, — ответил Митя.

— Концерт? Сегодня?

Варя посмотрела на Митю. Раньше Павел считал, что у детей не бывает такого взгляда, что этому учатся позднее, на родительских собраниях или, скажем, при людях, которые громко ругаются в поезде. Варя ловко перебросила свой букет в другую руку.

— Сейчас мама выйдет, она снимала. Там нас очень хорошо видно.

— Вас? — переспросил Павел. До него всё ещё не доходило, при чём тут Варя.

— Ну да, меня и Митьку. Мы дуэтом. Я на флейте. А потом все кланялись, и нас второй раз вызывали, потому что мы ушли не туда. Когда с одной стороны ушли, надо было с другой выйти, а мы стоим за занавеской. Варежку держи, Мить.

Митя взял у неё варежку. Белую рубашку он нашёл, стало быть, сам. Застегнул четыре пуговицы, а на пятой, которая у горла, с утра в прихожей всегда говорил «подавлюсь» и рвал ворот. Значит, в белой рубашке под джемпером он ещё утром ушёл в школу. А в календаре сегодня значился просто ансамбль. Павел полез за телефоном.

— Я не знал.

— Когда мы вышли, я сперва подумал, ты в последнем ряду. Там у дядьки твоя шапка, — сказал Митя. Он разговаривал буднично, даже чуть торопился, потому что надо было успеть прожить неприятную минуту, пока о ней не спросили взрослые. — Мы можем домой идти?

— А вы приглашали?

Митя уставился на него. Сказал: «Пап». Только и всего. Опустил глаза, отцепил кое-как футляр от руки и переложил в другую. На коже остался выпуклый тёмный след.

Из зала вышла полная темноволосая женщина в носках с оленями. Павел сначала заметил носки, потом понял, чьи туфли ждут у батареи. Она собрала на ходу обломки сосны, коснулась Митиного плеча.

— Поздравляю вас. У нашего головореза в конце вся партия куда-то укатилась, а твой мальчик ловко подхватил.

Она говорила ему как человеку, побывавшему в зале. Она всё выступление смотрела в телефон из зрительного зала. Ей ли было считать отцов.

— Я опоздал, — сказал он.

Женщина сунула руку в карман.

— Если хотите, там кусочек записан. У меня в начале палец.

— Мам, у тебя везде палец, — сказала Варя.

— Я рассчитываю, что его со временем начнут узнавать.

— Потом, — вмешался Митя. — Нам ехать надо.

На лестнице Павел по привычке забрал у него кларнет. Сын дёрнул ручку назад. Пришлось отдать. Осталось неприятное ощущение в пальцах, как если бы кто-то выхватил молоток в середине удара.

На улице стояло зелёное такси с двумя виолончелями, из него ещё доносился спор. Шёл мелкий снег, так сразу и пропадал на асфальте. Остановку в обратную сторону перенесли из-за работ, и пришлось пройти лишних два квартала. Павел был за это благодарен. Заталкивать Митю в тесный автобус рядом с собой, где приходится или кричать, или доверительно шептать на ухо, он сейчас не решился бы.

— Есть хочешь? В пекарню зайдём?

— Дома.

— Ты правда так думал? Что я сзади сижу?

Митя пожал плечами.

— Я вообще-то не знал, куда ты сядешь. Пап, можно без этого?

Павел кивнул и пошёл рядом. Через две витрины отразилась их пара; он посмотрел боком, будто это были какие-то чужие, отец и мальчик. Ему неловко было за свою красивую добротную куртку, за чистый подбородок, за то, что выглядел человеком, сумевшим всё сделать как надо к началу вечера. Если бы была веская причина, если бы хотя бы автобус сломался по дороге. Но автобус привёз его раньше срока.

Дома Митя ушёл переодеваться, а Павел позвонил Лене. Сначала нажал на камеру и тут же выключил. Она всё равно ответила голосом.

— Что-то с ним?

— С ним всё хорошо. У них концерт был.

— Да.

— Ты знала?

— Я знала, что в среду. Время не запомнила.

— У нас в среду стоит «ансамбль». Я ещё смотрел сегодня. Могу скриншот прислать.

В трубке что-то скребло. Складывала на столе листы, что ли. У неё в музее к вечеру всегда начинался самый занятой час, когда нужно было что-нибудь оставить до утра под грузом и именно этот груз кто-нибудь уносил обедать на нём в бухгалтерию.

— Мне не нужен скриншот, — сказала она. — Ты ему что сказал?

— Что не знал. Тебе трудно было в календарь поставить?

Позади него скрипнул пол. Митя стоял в дверях с папкой. Нёс её перед собой, как противень с пирогом, чтобы не уронить.

— Мам, сейчас я ему, — сказал он громко. Положил на стол программу, поверх неё лист из прозрачного кармана.

На листе были дата, адрес, номер зала и выведенные фиолетовым фломастером строчки: «Папа, приходи. Митя и Варя». Павел автоматически отметил, что в слове «приходи» над «и» остался хвост от первоначального «е». Провёл ногтем по написанному. Фломастер продавливался насквозь.

— Я же тебе в понедельник положил, — сказал Митя.

— Куда?

— Рядом. Ты на компе слона смотрел. Я думал, ты прочёл.

Он действительно смотрел слона. Художница требовала, чтобы у сценического слона поднимался хобот, а Павел как раз нашёл короткую запись про то, как зверь подбирает с земли ветку. Отправил художнице, она в ответ прислала ещё шесть роликов и длинное голосовое. Музыка была в комнате всё это время, Митя играл ему. Потом он написал в цеховой чат, что срочно нужен человек, умеющий делать ролики под тонкий трос. И назвал это домашним вечером.

— Лен, я позже, — сказал Павел и положил трубку. Это было всё-таки похоже на него, даже в такую минуту он Лене сказал «позже», будто она будет сидеть там, ждать продолжения.

— Дашь почитать? — спросил он сына.

— Ты же и так читаешь.

Под приглашением обнаружилась программка. Первая часть концерта состояла из коротких номеров, их играли самые маленькие. Во второй было напечатано про Митю и Варю, пьеса называлась «Упрямый воробей». Наверху стояло незнакомое имя.

— «Упёртый воробей»? Сами придумали?

— Упрямый, — сказал Митя. — Сверху композитор написан. Я только в конце переписал. Там по-другому вообще-то.

— А как?

— Ты всё равно не слышал, как раньше было. Можно я поем?

Из кухни доносились звуки ещё мирной жизни: капало с мокрых варежек, холодильник принимался гудеть, хлопала неплотно задвинутая дверца ящика. Павел собирался быть хорошим отцом прямо сейчас и поэтому был готов устроить сколько угодно неприятностей. Попросить сыграть ему кусок. Спросить, не переделал ли Митя концовку нарочно, чтобы выручить Варю. Добиться от сына ответа, очень ли тот обиделся, и постоять с этим ответом сколько потребуется, пока мальчик сам не скажет, что всё не так уж плохо. Какой бы он ни выбрал способ, работы отцу хватит на четверть часа, а сыну на весь вечер.

— Угу. Что у нас в холодильнике? — И, прежде чем Митя успел открыть рот, добавил: — Сиди, я принесу.

В холодильнике оказался кусок запечённой свинины, который они сделали вместе во вторник. Как приятно было тогда рубить чеснок и рассуждать с Митей о гарнирах. Когда печётся мясо, всем в доме кажется, будто ты совершаешь что-то замечательное, а дальше его ешь три дня. Никаких шансов забыть, положил чеснок или пропустил. Вынул из духовки — всё получилось.

Митя съел три бутерброда и долго выковыривал семечки из чёрного хлеба. Одна прилипла у него на щеке. Павел едва удержался, чтобы не снять.

— В том ряду, где этот дядька сидел, одно место всё равно пустое было, — сказал Митя. — Я подумал, может, ты в туалет вышел.

— Прости, Мить.

— Там, если входишь и если выходишь, пол стучит. Вообще головой нельзя было вертеть. Варя сказала, я её сбивал.

— Прости, что ждал.

— За это разве просят прощения? За то, что я ждал?

Митя отломил корку. Серьёзный вопрос, понял Павел. В одиннадцать лет его сын иногда и правда слушал то, что говорят люди.

— Я должен был быть там. Я даже не развернул твоё приглашение.

— Ну. Ты его сложи, а то оно занимает много места.

Он ушёл смотреть что-то на планшете. Через несколько минут из комнаты послышался смех. Неужели можно, думал Павел, сделать ребёнку больно, а через пятнадцать минут обрадоваться, что он опять смеётся. Он думал об этом и о Лене, которую попросил прислать напоминание задним числом.

В списке его групп нашлась музыкальная школа. Рядом с названием висел зачёркнутый колокольчик. Дальше шли месяцы знакомых сообщений, только вот читал их, оказывается, он впервые. Здесь были и прежние выступления. Куча «спасибо», «взяли», «Митя придёт на полчаса раньше». Везде одинаковая маленькая зелёная чашка, которую Лена поставила вместо фотографии, когда однажды увидела собственный снимок в раздутом до неприличия овале родительской группы. Её короткие разговоры с преподавателем походили на зарядку. Три-четыре движения, и утром всё готово, приходи, садись на свободный стул и думай, что у тебя удивительно музыкальный сын.

Он раскрыл самый старый из доступных файлов. Его выложили ещё весной, когда Павел сломал левую руку, и Лена каждое утро завязывала ему ботинки. В это же время Митя учил новую пьесу и ходил на дополнительные занятия, про которые Павел понятия не имел. Он помнил, как подставлял здоровую руку, чтобы помочь ей встать с корточек у двери. Нет, и этого не делал. Она вставала сама, упёршись ладонью ему в колено.

В кухню пришло сообщение от Лены: «Могу взять трубку, если Мите захочется». Павел показал сыну телефон. Митя набрал её со своего и закрыл дверь.

Из-за двери он услышал: «Мам, я в этой рубашке как из сосиски вылез». И следом густой, взахлёб, смех. Павел впервые за сегодняшний вечер заплакал бы с охотой, если бы знал, куда спрятаться в собственной квартире.

Он увидел на столе программку, ровно сложил приглашение, вложил в неё и убрал оба листа под прозрачную клеёнку. Напротив названия «Упрямый воробей» стоял простой карандашный крестик. Похоже, кто-то из них двоих заранее показал ему, где надо смотреть.

3. Театр с обратной стороны

У разбойника на правой ноге было две туфли. Лена обнаружила это во вторник, когда сняла фигурку с подложки. Одна туфля была чёрная, с высоким каблуком. Другую, домашнюю, в полоску, какой-то ребёнок пририсовал поверх первой. На левой ноге он ничего исправлять не стал, и разбойник одной ногой отправлялся грабить карету, а другой оставался дома.

— Смотри, — сказала Лена.

Заведующая фондами Алла Борисовна поднесла к глазам лупу, и глаза её на секунду стали огромными.

— Это тюфяк, — сказала она. — Мой отец говорил «тюфли» про домашние тапки. Он был уверен, что это одно слово, просто в тапках люди разговаривают мягче.

— Так оставляем?

— А ты хотела снять?

— Ни за что. Я хочу показать.

Они стояли над большим столом в мастерской городского музея. За окном грузчик снимал с фургона гнутые стойки для ёлки и складывал на голый газон. Судя по тому, сколько их уже лежало и сколько ещё торчало наружу, ёлка должна была перевесить дом. Лена подвинула ближе серую коробку. В одиннадцать десять ей предстояло идти на летучку, отвечать на вопрос о пятнах на акварели, возвращённой из другого музея. Ещё предстояло набрать Мите, если найдётся резон позвонить в школу посреди урока. Хорошо бы температура или внезапный обвал крыши, только чтобы все целы. И объяснить себе самой, как она провела всю прошлую неделю без сына и так и не успела ни поесть в кафе, ни распаковать наволочку, ни лечь спать в два часа дня, хотя планировала.

Она разложила на столе оставшихся персонажей. Сначала появились трое военных, толстая трактирщица и козёл с крылышками. Из-за пастуха выглянул мальчик на ходулях, недавно изобретённых, судя по виду: внизу каждая ходуля кончалась крохотным человеческим ботинком. Детская рука когда-то старательно наклеила ботинки поверх фабричных палок. Ещё в театрике были настоящие картонные кулисы, две стены харчевни и совершенно замечательный задник, который с одной стороны изображал ночь, а с другой — стенку шкафа. Там отчётливо виднелась нарисованная карандашом ручка.

— А шкаф зачем? — спросила Алла Борисовна.

— Нанималась на работу, чтобы отвечать на такие вопросы, а сама понятия не имею. Вот его-то и надо поставить в зал.

— Так и вижу. Посетители ходят мимо и слушают в наушниках тебя: «Понятия не имею».

— Отличный текст. Экономия секунд сорок на каждой дорожке.

Алла Борисовна соединила ладони в замочек за спиной. Так она всегда делала, когда была рада вещам и не хотела, чтобы эту радость принимали за слабость.

— У директора до сих пор дыра в весеннем плане. Арендованная выставка не приедет, там затраты на перевозку, с ума сойдёшь. Скажешь ему, сколько поместится в малом зале?

Лена подняла голову.

— На летучке?

— На пенсии, Леночка.

Она снова глянула на мальчика с ходулями. Когда-то человек меньше Мити справился с таким количеством несуществующей обуви, а у неё второй сезон лежала в компьютере папка «Вдруг про театр», где было семнадцать снимков и полстраницы невыносимо аккуратного текста. На снимках картонная публика смотрела представление в бумажном ящике. Лене хотелось залезть в него с другой стороны. Открыть зрителю тесную кухню, где играли этот спектакль. Большой стол, ободранные углы декорации, банка клея на блюдце. Вот где упрямая девочка

или мальчишка старательно привязывали козлу с крыльями бороду из шерстяной нитки. Там, в полутьме коробки, кто-то решал, с какой ноги ходят разбойники.

Она разложила на обрезке картона пустые бумажные конверты и сложила из них за пять минут маленькую сцену. Передний конверт держала печатью к публике, пока не вспомнила, что на нём есть служебный адрес и местами отпечатался прилипший мятный леденец. Перевернула. Принялась накалывать сгибы ногтем, но чересчур поторопилась и разорвала задник. С подлинниками она так не спешила. А на летучку можно было взять и кривое.

— Ты так покажешь? — спросила Алла Борисовна.

— Я так сыграю.

Совещались в комнате, куда зимой от холода переезжал из кассы старый принтер. Он коротко ревел каждые четыре минуты, возвращая всей комнате её настоящий служебный масштаб. Директор выслушал историю про пятно на акварели, попросил обмеры стоек для ёлки, сообщил, что до конца недели всем надо ознакомиться с инструкцией по выключению света, и достал коробку леденцов. Лена знала этот жест. Ещё минуту, и люди разойдутся. У неё оставалось время сжать конверты, спрятать в карман халата и ужасно расстроиться, что ей так и не дали ничего предложить.

— Дайте три минуты. Я принесу потом нормальные картинки.

Своё изделие она поставила на крышку принтера. От детского набора захватила только увеличенные распечатки. Маленькими загнутыми ножницами вырезала прямо за столом неправильного козла, оставив скруглённые поля. Художница выставок придвинулась поближе. Лена сунула козла в щель пола и покачала его. Козёл упал мордой вперёд, раскорячился неверно вырезанными ногами. Принтер заревел. Козёл подпрыгнул и встал на ноги.

— Это звуковое сопровождение? — спросил директор.

— За него уже уплачено. Смотрите вот с этой стороны.

Лена повернула сцену. Теперь было видно и задник, и прорезь, и кусок руки снизу. Кассир, когда-то в детстве ходившая в изостудию, унесла себе оба нижних конверта и соединила их по-другому, так что сцена стала выше. Алла Борисовна вынула из кармана свою лупу и, к восторгу всех присутствующих, изобразила выход луны. Потом люди передавали сцену из рук в руки, а Лена рассказывала о трёх ящиках из фонда, о тонких карточках, которые можно будет показать с обеих сторон, о пустых коробках, где посетитель сам решает, на чём ездит король. У неё пересохло горло, и директор молча двинул к ней леденцы.

— Малая выставка. Оригиналы за стеклом, реплики можно трогать. Сколько тебе надо занятий?

Лена чуть не спросила «каких занятий?». Она сама минуту назад говорила про коробки, которые можно соорудить с посетителями. В её голове посетитель был единичным, упорным и удобным, ему можно было помочь в перерыве между двумя другими делами. Директор уже открывал расписание.

— Вечерняя группа бывает полная, — сказала художница. — У нас средами кабинета никто не просит. Я могу первые два раза помочь. А дальше, если пойдёт, до конца весны.

— Каждую среду? — спросила Лена.

— По средам либо ведёшь сама, либо надо искать ведущего. После открытия будет меньше работы с фондами, справишься. До конца мая расписание не тронут. Но сегодня нам нужен ответ. К вечеру сдаём программу.

Лена сунула в карман мятый конверт с мятным пятном. Митя по средам в музыке, она забирает его через раз. До обычного времени окончания музыки от её музея можно успеть пешком, в группе он уже с пяти. Занятия же надо начинать в половине седьмого. Верка из любви согласится и пешком в другой конец города ходить. А месяца через два перестанет брать трубку. Но ведь у сестры по средам через раз бассейн именно здесь, в соседнем доме. Вдруг

она обрадуется ужину вдвоём с племянником? Лена захотела заранее устроить для неё два варианта ужина с доставкой и два с домашней едой и выругалась про себя.

— Дайте мне час.

На улице у служебного входа ей выдалась короткая передышка. Ограда была закрыта, а в самой ограде кто-то между прутьев оставил сухую ветку с двумя облезлыми ранетками. Лена набрала сестру.

— Вер, тут у меня нарисовалась прекрасная жизнь по средам. С половины седьмого до восьми.

— Прекрасно, если это массаж. А что, в самом деле?

— Подхватить Митьку с музыки. В мою неделю. Если ты и так в бассейне. Только не надо сбивать себе расписание.

— После воды я такая голодная, что могу съесть его.

— Идёт. Только кларнет пусть не ест. Он казённый.

— Лен, я могу до февраля, пока абонемент. После посмотрим. И он меня подождёт пять минут? Я не побегу с мокрой головой. А то вам с Пашей хорошо, у вас волосы от природы лежат, как у людей в рекламе.

Митя согласился, услышав про столовую при бассейне, где пекли хачапури с яйцом. Лена вернулась на летучку, откусила половину мятного леденца. Ещё четыре месяца требовали отдельного решения. Всю жизнь она отказывалась, если нельзя было решить их прямо сейчас.

— Веду, — сказала она.

Вечером в воскресенье, когда настало время ехать на Полевую, Лена оставила дома и летнюю наволочку, и второй свитер, который целую неделю пролежал в сумке. Митя за эти дни перестал её обнимать на пороге и передавал вместо себя предметы. В этот раз он подал тройник с длинным шнуром. У окна однушки не доставала зарядка, он запомнил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.